

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ ¹

В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева, В. Н. Сергеев

Ракачев Вадим Николаевич, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.
Эл. почта midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208

Ракачева Ярослава Владимировна, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.
Эл. почта: soccenter.kubsu@gmail.com. ORCID 0000-0003-0540-6408

Сергеев Всеволод Николаевич, Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
ул. Машиностроителей 25, Минск, 220118, Беларусь.
Эл. почта: v.n.sergeev@gmail.com. ORCID 0000-0001-9809-7864

Аннотация. В статье представлены результаты анализа многообразия подходов, сложившихся на сегодняшний день в трудах зарубежных и отечественных авторов к пониманию и интерпретации такого сложного и неоднозначного феномена как историческая культура. Сопоставление различных подходов и точек зрения к трактовке самого понятия, его структуры, функций, разнообразие представлений о сущности явления позволяет сделать вывод о том, что сфера исследований исторической культуры, с одной стороны, еще находится в процессе формирования как самого категориального аппарата, так и методов и методологии, используемых при ее исследовании. С другой стороны, необходимо отметить междисциплинарный характер самого проблемного поля, которое попадает в сферу исследований историков, социологов, философов, психологов, культурологов и представителей других наук. В этой связи определенным горизонтом, намечающим дальнейшие исследования исторической культуры, может стать синтез различных методологических традиций.

Ключевые слова: историческая культура, историческое сознание, историческая память, история, коллективная память, мемориальная культура, историческое знание.

Введение

Современный мир, несмотря на весь технологический и научный прогресс, неразрывно связан с прошлым. Мы постоянно оглядываемся назад, ищем в истории то, что еще может послужить современному обществу в обновленном и переосмысленном виде, используем историю для социального конструирования, объединения вокруг общих символических событий прошлого, формирующих национальную и государственную идентичность. Сегодня в этот процесс вовлечены разнообразные акторы, начиная от государства, профессионального исторического сообщества до общественных объединений и рядовых граждан. Все активнее развиваются альтернативные, неформальные способы презентации истории посредством СМИ, исторических романов, документальных и художественных фильмов, музейных выставок, объектов наследия, телешоу, веб-сайтов и приложений, компьютерных игр и др. (De Groot, 2009) Как следствие, отношения общества с прошлым стали богаче и многограннее, но вместе с тем более запутанными и фрагментарными (Grever, Adriaansen, 2017).

¹ Исследование выполнено в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализуемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 20-59-00017/20 и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) № Г20Р-227.

С нарастанием интереса и усилением общей привлекательности истории растет и напряженность, связанная с инструментальным использованием и злоупотреблением историческим образованием и проектами наследия со стороны национальных и местных правительств, религиозных групп, массовых движений и т.д. (Black, 2005; Lowenthal, 1998; Grever et al., 2012), крайней формой которой становятся «войны памяти» (Macintyre, Clark, 2004; Taylor, Guyver R. eds, 2012; Windschuttle, 1994).

В этих условиях акцент исследований прошлого все больше смещается с самих исторических событий на их интерпретации с позиций различных акторов, механизмы формирования и распространения исторических представлений, способы сохранения исторической памяти, т.е. то, что многие современные исследователи объединяют понятием исторической культуры. Такие исследования не только помогают нам понять, как люди связаны с историей или насколько хорошо они ее знают, но и показывают, что история имеет фундаментальное значение для того, как люди воспринимают самих себя (Clark, & Grever, 2018).

Соответственно связь между прошлым и его представленностью в настоящем поднимает перед исследователями несколько принципиальных вопросов: посредством каких категорий можно описать эти процессы, как можно операционализировать историческую культуру и историческое сознание, как происходит их формирование и трансформация, можно ли этому научить и каким образом?

Цель данной статьи — рассмотреть многообразие подходов, сложившихся в современной науке в отношении понимания такого феномена как историческая культура. Соответственно, перед нами стоят задачи в концептуализации как самого феномена, так и ряда связанных с ним явлений: исторического сознания и мышления, исторической памяти, определении их внутренней структуры и характер взаимосвязи, характера проявления в условиях современного общества.

Теоретико-методологическая база и методы исследования. Анализ концепта «исторической культуры» и связанных с ним «исторического сознания», «исторической памяти», «коллективной памяти» опирается на комплекс теорий и методологическую базу, разработанных в рамках таких дисциплин, как философия, социология, психология, лингвистика. Принципиальное значение для понимания феномена исторической культуры имеют труды Э. Гусерля (1994), В. Дильтея (1988), Б. Кроче (1998), Э. Трельча (1994), М. Хальбвакса (2007), Й. Рюзена (1997), А. Ассман (2014). В числе отечественных авторов, чьи теоретические положения определяют современные исследования данной проблематики, можно отметить М. А. Барга (1987), А. В. Миллера (2009), О. Ю. Малинову (2018; 2019), Л. П. Репину (2005; 2006), А. В. Полетаева (2005), И. М. Савельеву (1997; 2008), З. А. Чеканцеву (2012) и др.

Важным методологическим принципом выступает представление о сосуществовании истории (профессиональной историографии) и памяти, признание равнозначности разнообразных репрезентаций прошлого.

В качестве непосредственного инструмента в данной работе выступает компаративный метод, позволяющий провести глубокий анализ сложившихся на сегодняшний день в отечественной и зарубежной науке представлений об исторической памяти, ее структуре, функциях, механизмах формирования и т.д.

Историческая культура и ее компоненты

Концепция исторической культуры возникла в немецкой дидактике истории в конце 1970-х гг. для изучения взаимодействия между академическими и (полу)

популярными учреждениями, которые составляют историческое знание. Историческая культура в этот период была концептуализирована как социальная практика обращения с прошлым, выходящая далеко за рамки профессиональной истории (Carretero, Berger, Grever, 2017), она выступила как синтезирующая концепция, включающая внеклассные и учебные знания, материальные и нематериальные артикуляции, связывая места памяти с функциями памяти.

Гревер М. и Адриансен Р. настаивают на том, что возникновение концепции исторической культуры имело помимо институциональных причин (появление немецкой и европейской дидактики истории) и интеллектуальные причины, выраженные в идеях постструктурализма (Grever, Adriaansen, 2017).

Эта концепция приобрела новую актуальность после культурного поворота и бума памяти как целостная, метаисторическая концепция, позволяющая комплексно изучать прошлые отношения в обществах.

Концепция исторической культуры, по словам Ф. Санчеса-Маркоса, выражает новый подход к пониманию эффективных и действенных отношений, которые человеческая группа устанавливает с ее собственным прошлым. Это сфера исследования, которая стремится охватить более широкую область, чем историография, поскольку она не ограничивается только анализом академической исторической литературы. Область исторической культуры, отмечает он, охватывает все уровни и процессы общественного исторического сознания, обращая внимание на агентов, которые его создают, средства массовой информации, посредством которых оно распространяется, репрезентации, которые оно популяризирует и пр. (Sánchez-Marcos, 2009).

Гревер М. и Адриансен Р., рассматривая историческую культуру, полагают, что в широком смысле ее необходимо определять как «отношение людей к прошлому», как целостную концепцию, которая дает возможность исследовать различные способы, которыми люди придают значение прошлому (Grever, Adriaansen, 2017). Если определять историческую культуру в узком смысле, то она предстает в качестве особого явления, которое представляет для общества актуальную проблему по сохранению и воспроизводству прошлого (Кутыкова, 2015).

Историческая культура — это не вневременное явление, она вписана в конкретный исторический контекст, динамична и изменяется в зависимости от запросов и условий конкретного общества и при этом сохраняет связь с предшествующими формами и способами воспроизводства прошлого.

Современное понимание фактов прошлого формируется не только через общение в семейном кругу, историографические дискуссии, школьные программы по истории и памятные практики вокруг памятников и музеев на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях, оно также конфигурируется взаимосвязанным набором того, что часто называют «популярными» и перформативными представлениями о прошлом: в фильмах, приключенческих романах, комиксах и играх, которые в основном созданы для коммерческих и развлекательных целей и часто ориентированы на транснациональных потребителей (Ribbens, 2014).

Таким образом, в настоящее время анализ исторической культуры как динамической и всеобъемлющей концепции происходит на пересечении нарративности и перформативности в рамках определенных воспоминаний и концепций истории (Winter, 2010). Соответственно синтезирующее понятие «исторической культуры» может быть использовано для описания всей этой сети официальных и неофициальных источников, доступных современному обществу в отношении

его национального прошлого. По сути, концепция исторической культуры бросает вызов строгому разделению между академическим и народным использованием истории и, не отменяя различий между ними, подчеркивает их общие основы и множество способов, которыми они взаимодействуют (Grever, Adriaansen, 2017).

В западных обществах, полагает М. Гревер, историческая культура действует как своего рода внешняя инфраструктура, охватывающая все формальные и неформальные повседневные действия (школьное обучение, литературу, кино и театр, досуг, моду и т.д.), предназначенные для создания социально разделяемого представления о национальной истории (Assmann, 2010).

В таком ключе трактует историческую культуру Й. Рюсен, определяя ее как внешнюю, социальную сторону внутреннего индивидуального исторического сознания, поддерживающую всеобъемлющую социальную структуру, обеспечивающую полный спектр его деятельности исторического сознания (Rüsen, 1997).

Д. Вулф расширяет сферу, которую охватывает историческая культура, включая в нее не только письменные (исторические) источники, церемонии, памятники искусства и архитектуры, но также политические идеи и все способы использования и передачи прошлого. «Историческая культура состоит из привычек мышления, языков и средств общения, а также шаблонов социальных условностей, которые охватывают элитарные и популярные, повествовательные и не повествовательные модели дискурса» (Woolf, 2003). Иначе говоря, историческая культура охватывает все исторические знания и исторические объекты плюс то, как они передаются в обществе. Вместе с тем, историческая культура находится в тесной связи с конкретными социальными и материальными обстоятельствами, на нее оказывают влияние ситуативные факторы, под воздействием которых складываются конкретные практики мышления, чтения, письма и обсуждения прошлого. Эти практики, направленные на воспроизводство истории в том или ином обществе, являются частью его интеллектуального и вербального пространства, распространяются в нем посредством коммуникации. Это процесс, обеспечивающий обмен между отдельными элементами исторической культуры, Д. Вулф определяет как «социальную циркуляцию». Она происходит внутри определенной исторической культуры, но также затрагивает ее различные уровни (Woolf, 2003).

Концепция исторической культуры дает возможность исследовать различные способы, которыми люди приписывают значение прошлому минимум на трех взаимосвязанных уровнях:

- 1) повествования (рассказы) и перформансы (ритуалы);
- 2) инфраструктуры (календари, традиции, школы, ассоциации, финансирование исследований);
- 3) концепции истории (прогресс, подъем и падение, эсхатология) (Grever, Adriaansen, 2017).

Связь этих уровней может быть продемонстрирована следующим образом: например, правительства придают большое значение повествованиям об освобождении своей страны (первый уровень) и финансируют исследования по этому поводу и организуют ежегодные памятные мероприятия (второй уровень), основанные на стремлении к примирению и прогрессу в истории (третий уровень). Это, вероятно, будет оказывать большое влияние на академическую историографию (с упором на прошлое, в том числе на его использование и злоупотребления), на учебные программы по истории, популярные жанры и наоборот (Grever, Adriaansen, 2017).

Основываясь на принципе локализации, историческая культура может проявлять себя на мировом, национальном, региональном, местном уровнях (De Groot, 2009).

Историческую культуру исследователи предлагают рассматривать в двух аспектах: как относительно новую самостоятельную область исследований, и при этом как определенную исследовательскую перспективу. Как область исследования она подразумевает изучение нарративов и инфраструктур: производство и воспроизводство исторических знаний и понимания, а также социальной инфраструктуры области истории (например, музеев, учебных программ по истории, национальных праздников, памятных дат и т.д.). Все это создает условия, необходимые для того, чтобы общество осуществляло связь со своей историей. Обеспечение этой связи предполагает апелляцию к разнообразным формам исторического сознания, посредством которой проявляет себя индивидуальная и коллективная идентичность, происходит создание, поддержание и разрушение социальной памяти, традиций увековечения и запоминания и признание различных типов исторических интересов (эстетического, академического, политического, коммерческого и популярного).

Изучение исторической культуры включает такие дисциплины, как история историографии, изучение исторического сознания, преподавание истории и просвещение по вопросам наследия, а также роль средств массовой информации. Таким образом, концепция раскрывает взаимодействие между материальной и нематериальной культурой, а также связи между высокой и популярной исторической культурой.

В качестве исследовательской перспективы историческую культуру можно рассматривать как метаисторию: изучение культурной и исторической практики в целом. Она дает нам целостный взгляд на изучение истории, проясняя взаимодействия между различными действующими лицами в этой области и возможные различия между национальными контекстами исторических культур. В таком виде концепция исторической культуры также охватывает «горизонтальное» измерение историографических канонов: режимы дискурса и социально-идеологические контексты.

Для истории историографии эта перспектива исторической культуры создает условия понимания процессов формирования историографических канонов. Например, позволяет связать возникающую дисциплину истории в девятнадцатом веке с различными, иногда оспариваемыми образами прошлого, сформулированными различными людьми и группами. Для большинства людей национальные рамки постепенно стали доминирующими, исключая местные или транснациональные связи. Тем не менее, ряд групп: религиозные и этнические меньшинства, местные движения, социалисты и др. продолжали отстаивать право на разнообразное отношение к прошлому, сочетая национальные союзы с транснациональными. И по утверждению М. Гейера эти движения пересекали национальные границы и породили особые международные традиции и культурные коды (Geyer, 2017).

При рассуждении об исторической культуре как о сложном и многоаспектном феномене неизбежно встает вопрос о ее внутренней структуре и, соответственно, возникает необходимость определения ее компонентов. В научной литературе сложился ряд подходов, в рамках которых авторы выделяют свойственные исторической культуре элементы.

Согласно Й. Рюзену, историческая культура, рассмотренная с позиций культурно-антропологического подхода, предстает как совокупность эстетического, политического и когнитивного измерений (Rüsen, 1997). В основу выделения структурных

компонентов исторической культуры у Ф. Бритче положен такой критерий, как ключевые сферы общественной жизни. Соответственно он выделяет в ней политический, идеологический, экономический, религиозно-эмоциональный, когнитивный и эстетический компоненты. Воспроизводство этих компонентов обеспечивается за счет специфических субъектов: медиа, общественных организаций, образовательных учреждений, профессиональных сообществ (Britsche, 2015).

А. Эрлл, полагает, что близкий к исторической культуре концепт меморатной культуры включает материальный, когнитивный и социальный уровни измерения, которые определяют наш горизонт восприятия и памяти. Материальный уровень включает физические объекты, связанные с прошлым: документы, фото- и видеоматериалы, памятники и т.п. Когнитивный представлен историческими стереотипами и образами, ценностями, идеалами и т.д. Социальный уровень предполагает наличие соответствующих социальных институтов и практик, обеспечивающих воспроизводство прошлого в настоящем (Erll, 2005).

И. П. Полякова и А. А. Линченко полагают, что перспективным с точки зрения анализа исторической культуры может быть выделение в ней двух компонентов: повседневного и неповседневного, поскольку подобное противопоставление является универсальным для любого человеческого общества. Повседневную историческую культуру они предлагают определять как «особое измерение исторической культуры, социальную среду, где разворачивается универсальная историчность человека, содержащая элементы стабильного и устойчивого». При этом акцент необходимо сделать именно на временной характеристике, особом порядке временных изменений, в которых проявляется однообразие, будничность, обыденность бытия. Все экстраординарные, нетипичные проявления могут быть выделены и осмыслены только в процессе противопоставления, отделения их от повседневности. При этом в рамках самой повседневной исторической культуры могут быть выделены различные слабо связанные между собой вариации присутствия прошлого: историческое сознание и историческая память, исторический опыт и знания и др. (Полякова, Линченко, 2017).

Историческое сознание и историческая культура

Тематика прошлого как объекта социального познания обслуживается целым рядом понятий, значения некоторых из них пересекаются, дополняют друг друга, а в ряде случаев претендуют на одну и ту же предметную область.

Классическим примером такового является весьма распространенная и многозначная категория «исторического сознания», обладающая, тем не менее, высоким концептуальным статусом: «историческое сознание — неизбежный элемент усвоения человеком культуры». Выступая в разных формах (как совокупность обыденных, художественных, религиозных, идеологических представлений), историческое сознание первично по отношению к исторической науке и более объемно (Куликов, 2007).

Историческое сознание, в определении Ж. Тощенко, представляет собой «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» (Тощенко, 2000).

Историческое сознание, в интерпретации Ю. Левады, объединяет как сформированные на профессиональном уровне, имеющие научное объективное основание,

так и стихийно сложившиеся представления о прошлом. С их помощью общество осмысливает свою историю, свое движение от прошлого к настоящему и подвергает его оценкам (Левада, 1969).

Историческое сознание выступает как более широкое понятие, так как включает память как «стихийный» феномен и научно-историографические представления о прошлом.

С точки зрения отдельных подходов историческое сознание имеет уровневую организацию: от простых, но чрезвычайно многообразных форм представлений обыденного сознания (низший уровень) до сложных, систематизированных, теоретически обоснованных построений профессиональных сообществ (прежде всего — гуманитарных).

В оценке содержательных аспектов феномена можно встретить существенные теоретические расхождения. А. А. Сидельников выделяет две наиболее общих группы подходов к исследованию исторического сознания (Сидельников, 2006). В рамках первого представлены работы, увязывающие феномен сознания с социальным временем. К примеру, R. Thorp подчеркивает, что историческое сознание можно трактовать как понимание того, каким образом прошлое, настоящее и будущее связаны друг с другом (Thorp, 2014). По мысли М. А. Барга, «общественное сознание приобретает измерение сознания исторического (в собственном смысле слова)... только при том условии, если в качестве познавательной призмы в мире истории ему служит «связка» время — пространство» (Барг, 1987). Причем осознание времени в таком случае M. Grever и R-J Adriaansen увязывают с метаисторической рефлексией. Подобный взгляд на рассматриваемый феномен нередко трактует его как часть исторического процесса, подлежащего изучению. Это также означает, что каждой исторической эпохе соответствует своя форма и содержание исторического сознания (Grever, Adriaansen R, 2017).

Соответственно в рамках данного подхода оценивается и функциональное предназначение исторического сознания. Исследователи подвергают анализу генезис данного феномена, выделяют его уровневые элементы, определяют степень и характер взаимосвязи с прочими формами сознания, пытаются выявить взаимодействия с другими подсистемами общества.

Другой подход определяет историческое сознание в качестве одного из механизмов, обеспечивающих нормативное регулирование в обществе. Исследователи, придерживающиеся данного подхода, выделяют особую роль нормативно-ценностных и оценочных аспектов исторического сознания, отмечая тот факт, что оно должно быть рассмотрено в конкретно-исторических условиях (Бульгина, Шмелев, 1994). Эти подходы сдвигают акцент в понимании феномена на современность и трактуют историческое сознание в общем смысле «...как набор навыков, позволяющих людям понимать прошлое на своих собственных условиях... <причем> прошлое выступает как объект, который следует описывать в своих собственных терминах без каких-либо непосредственных последствий для интерпретатора» (Grever, Adriaansen, 2019). Это означает, что различные программы, развивающие подобные навыки, потенциально равны по своей значимости, особенно в случае, если они не стремятся понять историю именно такой, «какой она была».

Сложность и неоднозначность концепта «историческое сознание», отмечают M. Grever и R-J Adriaansen, привели к определенному противопоставлению, когда историческое сознание понимается либо как индивидуальная компетенция

исторического понимания, либо как форма коллективного менталитета (Grever, Adriaansen, 2017). Первая парадигма широко используется в исследованиях исторического образования, второй подход представлен работами таких историков, как Р. Козеллек (Koselleck, 1979/2000), Ф. Хартог (Hartog, 2015), и изучает историческое сознание как форму коллективного менталитета.

Вместе с тем у этих двух подходов есть точки пересечения, они оказывают влияние друг на друга. Соответственно многие исследователи сходятся в том, что историческое сознание имеет как индивидуальное, так и общественное воплощения, причем второе первично.

Понимая историю как социокультурную практику, концепции исторической культуры и исторического сознания бросают вызов строгому разделению между академическим и народным использованием истории. Это не отменяет различий между ними, скорее, подчеркивает их общие основы и множество способов, которыми они взаимодействуют (Grever, Adriaansen, 2019).

В современных западных обществах историческое сознание, помимо формального образования, находится под влиянием многих других неформальных источников (Seixas, 2017). Передача информации происходит через старые и новые популярные средства массовой информации, такие как семейные рассказы, книги, выставки, памятные мероприятия, организованные визиты в места памяти (Нора, 1999), фильмы, театральные и радиопостановки, веб-сайты, приложения и даже геймификацию (Erenli, 2013).

Мемориальный аспект исторического сознания

Термином, возникшим в результате дальнейшего переноса психологических метафор на социальные явления и тем самым развивающим исследовательскую оптику анализа исторического сознания, является «историческая память» и близкие по значению понятия (культурная память, мемориальная культура, культура памяти и др.). Если «сознание» в большей мере интерпретируется в интенциональном смысле (обращенность индивида, группы или общества к прошлому), то память трактуется в контексте хранения информации об этом прошлом. Поскольку само понятие прошлого отсылает нас к ситуации, в которой невозможен непосредственный контакт с событиями (прошлое — это по определению то, чего уже нет), любые способы восприятия исторической действительности (Шпиренок, 2008) — это, по сути, актуальное восприятие индивидом или группой «воспоминаний» об этой действительности (за исключением ряда оговорок применительно к научному дискурсу). Поэтому в процессуальном смысле «память — это осовременивание прошлого» (Ассман, 2016).

Историческая память представляется в качестве специальным образом направленного сознания, где особенное значение приобретает информация о прошлом, которое не автономно, но тесным образом связано с современностью и будущей перспективой. Иначе говоря, на первое место выходит процессуальный аспект исторической памяти, подразумевающий, по сути, технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему.

Следовательно, основной вопрос заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания: «Невозможно получить доступ к прошлому именно так, как оно

произошло. Чтобы приблизиться к нему, мы должны представить его, сделать его частью настоящего посредством творческого синтеза, который реконструирует его. По этой причине знание прошлого и его использование в настоящем всегда укладываются в рамки определенных социальных практик интерпретации и воспроизведения истории» (Marcos F. S.), функция исторической памяти проявляет себя в наличии и организации исторических представлений (Куликов, 2008).

В отдельных случаях историческое знание и историческая память выступают категориями одного порядка. Так согласно Н. В. Романовскому, «соотношение исторического сознания (а), исторического знания (б) и исторической памяти (в) можно выразить формулой: $a = б + в$ » (Харитоновна, 2016).

Индивидуальная или коллективная память?

Традиционно начало исследований феномена памяти связывают с работой М. Хальбвакса, посвященной анализу социальной памяти. Исследователь, размышляя о памяти, выделяет два ее типа: память индивидуальную и коллективную, которые тесно взаимосвязаны. Чаще всего, пишет он, мы вспоминаем то, к чему нас побуждают другие, иначе говоря, коллективная память помогает, направляет и задает рамки памяти индивидуальной, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти (Хальбвакс, 2007).

Вместе с тем в вопросе о выделении типов памяти и характера связи между ними у исследователей нет консенсуса. Дискуссии по данному вопросу отчасти схожи со спорами о первоначалах и, на наш взгляд, имеют, скорее, философскую ценность.

В случае «гуманистической» ориентации (первичность индивида) историческая память может трактоваться, например, как «совокупность фактов, событий, конкретных акций, индивидуальных существований, поступков, находящихся в памяти конкретных индивидуумов» (Жовтун, 2003).

В последнее время все больше внимания уделяется именно этой форме памяти. На эту особенность указывает А. Ассман, отмечая, что примерно с 1980-х гг. широкое распространение получает вариативность исторических репрезентаций, постепенно стираются границы между памятью и историей, индивидуальный опыт прошлого получает право на существование наряду с профессиональной историографией (Ассман, 2016).

Однако даже в случае индивидуалистской ориентации исследователи отмечают двойственность исторической памяти: «с одной стороны, под исторической памятью можно понимать способность субъекта сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания. С другой стороны, это результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний, осуществляемых в ходе формирования исторического сознания путем переработки пережитого опыта» (Путилова, 2012).

В случае, если внимание приковано именно к тому, что информация о прошлом выступает регулятором коллективного поведения, обращается внимание на то, что память нуждается в социальной «инфраструктуре» для ее хранения и воспроизводства. В качестве такой инфраструктуры иногда рассматривается историческая культура. Это, в свою очередь, делает необходимым рассмотрение исторических представлений во взаимосвязи с конкретным социальным опытом, общими духовными процессами в обществе (Тишков, 2011).

Коллективный характер памяти отражен, например, в определении Л. П. Репиной. Историческая память, пишет она, может пониматься как память коллективная, если она выступает элементом исторического сознания группы, или как социальная память, в случае, когда она является элементом исторического сознания общества, или же как целостная совокупность знаний донаучного, научного, квазинаучного и вненаучного характера, а также представлений общества о его историческом прошлом (Репина, 2006).

Независимо от акцента на личное или социальное, важно указать на ряд принципиальных характеристик в исследовании исторической памяти:

- нарративный и, следовательно, изменчивый характер памяти: «историческая и шире, социальная память есть механизм языкового преобразования исторического опыта — она преобразует исторический опыт в нарратив» (Иванов, Линченко, 2016), это позволяет говорить не только о том, что историческая память различается в зависимости от социальной группы, но также подчеркивает ее динамичный характер, изменяемость и обновляемость (Репина, 2005);

- наличие двух пластов, отличающихся по своей динамичности: «быстрая» память индивидов и малых групп и более статичная социальная инфраструктура памяти;

- взаимосвязь данных пластов: «историческая» социализация индивида и оформление его исторического сознания осуществляется в результате его контакта с упомянутой инфраструктурой (обучение в школе и вузе, участие в практиках коммеморации, интерес к прошлому, связанный с кинематографом и видеоиграми и т.п.), иными словами, его встраивания в историческую культуру общества. В этом смысле «историческая культура есть средство и механизм формирования исторического сознания» (Кутыкова, 2015), объясняющее отличия исторических представлений в различных социальных группах и сообществах (Grever, Adriaansen, 2019). Для отдельного индивида историческая культура выступает тем полем, где, собственно, воспроизводится конкретный исторический опыт, формируется историческое сознание и память (Иванов, Линченко, 2016).

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что в качестве наиболее широкого и одновременно наиболее удобного рабочего определения исторической культуры следует взять следующее — это совокупность разнообразных, сложившихся в определенных социально-исторических условиях способов сохранения, воспроизводства и отношения к историческому прошлому на уровне индивидов, групп или общества в целом.

Сопоставление различных подходов и точек зрения к трактовке самого понятия, его структуры, функций, разнообразие представлений о сущности явления позволяет сделать вывод о том, что сфера исследований исторической культуры еще находится в процессе формирования как самого категориального аппарата, так и методов и методологии, используемых при ее исследовании. При этом необходимо отметить междисциплинарный характер самого проблемного поля, которое попадает в сферу исследований историков, философов, психологов, социологов, культурологов и представителей других наук. В этой связи определенным горизонтом, намечающим дальнейшие исследования исторической культуры, может стать синтез различных методологических традиций.

Библиографический список

- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры.
- Баранов, А. В. (2010). Историческое сознание как фактор идентичности Юга России и Северного Кавказа (сравнительный анализ). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(24), 87–92.
- Барг, М. А. (1987). *Эпохи и идеи: Становление историзма*. Москва: Мысль.
- Бойков, В. Э., Меркушин, В. И. (2003). Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования. *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС*, 2, 5–21.
- Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. (1994). Оценочные речевые акты извне и изнутри. В Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (ред.) *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Москва: Наука.
- Воробьева, О. В., Чеканцева З. А. (ред.). (2012). *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв.* Москва: ИВИ РАН.
- Гизатова, Г. К., Иванова, О. Г. (2011). Роль национально-исторического сознания в формировании идентичности. *Ученые записки казанского университета. Серия: гуманитарные науки*, 153, 42–51.
- Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2010). Историческое сознание молодежи. *Вестник Российской академии наук*, 80(3), 195–203.
- Гуревич, А. Я. (2005). О кризисе современной исторической науки. В *История — нескончаемый спор. Мединевистика и скандинавистика: статьи разных лет* (С. 427–455). Москва: РГГУ.
- Гуревич, А. Я. (2005). Территория историка. В *История — нескончаемый спор. Мединевистика и скандинавистика: статьи разных лет* (с. 562–600). Москва: РГГУ.
- Гуссерль, Э. (1994). *Философия как строгая наука* (Переизданные переводы). Новочеркасск: Агентство «Сагуна».
- Дильтей, В. (1988). Наброски к критике исторического разума. *Вопросы философии*, 4, 135–152.
- Дмитриева, О. О. (2015). Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке. *Вестник Челябинского государственного университета*, 6(361), 132–137.
- Жовтун, Д. Т. (2003) Идеологизация исторического сознания. *Социология власти*, 2, 93–97.
- Иванов, А. Г., Линченко, А. А. (2016) Историческое сознание как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект. *Studia Humanitatis*, 1, 1–17.
- Кроче, Б. (1998) *Теория и история историографии*. Пер. с ит. Москва: Языки русской культуры.
- Куликов, Д. К. (2007) Историческое сознание и теория культуры. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 4(35), 50–54.
- Куликов, Д. К. (2008). Историческое сознание и его теоретические противоречия. Известия высших учебных заведений. *Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*, 1, 14–18.
- Кутыкова, И. В. (2015). О соотношении понятий «историческая культура» и «историческое сознание». *Обсерватория культуры*, 2, 64–69. DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-2-64-69
- Левада, Ю. А. (1969). Историческое сознание и научный метод. В *Философские проблемы исторической науки* (с. 186–224). Москва: Наука.
- Мазур, Л. Н. (2013). Образ прошлого: формирование исторической памяти. *Известия Уральского федерального университета. Сер.2. Гуманитарные науки*, 3(117), 243–257.

- Малинова, О. Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти* (с. 27–53). М., СПб.: Издательство Нестор-История.
- Малинова, О. Ю. (2019). Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 3, 103–126.
- Матусевич, О. А. (2011). Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*, 5, 111–113.
- Мечковская, Н. Б. (1994). *Социальная лингвистика*. Москва: Аспект Пресс.
- Миллер А. И. (2009). Россия: власть и история. *Pro et Contra*, 3–4, 6–23.
- Миллер, А., Ефременко, Д. (ред.) (2018). *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. М.-СПб: Нестор-История.
- Нора, П., Озуф, М., де Пюимеж, Ж., Винок, М. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Полетаев, А. В., Савельева, И. М. (2005). Историческая память: к вопросу о границах понятия. В И. М. Савельева, А. В. Полетаев (ред) *Феномен прошлого* (с. 170–220). Москва: ГУ–ВШЭ.
- Полякова, И. П., Линченко, А. А. (2017). Сущность и структура повседневной исторической культуры: теоретико-методологический аспект. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки*, 2, 68–76. DOI: 10.17238/issn2227–6564.2017.2.68.
- Путилова, Е. Г. (2012). Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 10(24), 143–145.
- Репина, Л. П. (2005). Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. В И. М. Савельева, А. В. Полетаев (ред.) *Феномен прошлого* (с. 122–170). Москва: Издательский Дом ГУ ВШЭ.
- Репина, Л. П. (2006). Историческая культура как предмет исследования. В Л. П. Репина (ред.) *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. М.: Кругъ.
- Репина, Л. П. (2011). *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. Москва: Кругъ.
- Репинецкая, Ю. С. (2017). К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память». *Самарский научный вестник*, 1(18), 147–151.
- Рюзен, Й. (2001). Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти). *Диалог со временем*, 7, 8–26.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (1997). *История и время: В поисках утраченного*. Москва: Языки русской культуры.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2008) *Теория исторического знания*. СПб.; М.: Алетейя. Историческая книга.
- Сидельников, А. А. (2006). Феномен исторического сознания и особенности его изучения. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки»*, 4(22), 110–115.
- Тишков, В. А. (2011). Историческая культура и идентичность. *Уральский исторический вестник*, 2(31), 4–16.
- Тощенко, Ж. Т. (2000). Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*, 4, 3–15.
- Трельч, Э. (1994). *Историзм и его проблемы*. М.: Юрист.
- Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.

- Харитоновна, Е. Г. (2016). *Историческая память и гражданское общество в России: Материалы спецкурса*. Москва: Перо.
- Чеканцева, З. А. (2012). «Политика памяти» и моделирование истории. В *MATHEMATICA MONTISNIGRI. Vol XXIV (2012), X International Seminar «Mathematical Models & Modeling in Laser-Plasma Processes & Advanced Science Technologies» LppM3-2012* (pp. 292–298). Подгорица.
- Чистанов, М. Н. (2006). О динамике исторического сознания. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*, 4(2), 66–70.
- Шпиренко, Ю. Г. (2008). Историческое сознание и информация. *Вестник КрасГАУ*, 6, 199–202.
- Яковенко, И. Г. (2009). История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания. *Личность. Культура. Общество*, 4(51/52), 89–100.
- Assmann, J. (2010). Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory. In Assmann A., Conrad S. (Eds) *Memory in a Global Age. Palgrave Macmillan Memory Studies*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230283367_7.
- Black, J. (2005). *Using History*. London: Hodder Arnold.
- Britsche, F. (2015). *Überlegungen zu einem Analysemodell von Geschichtskultur. Geschichtskultur in hybriden Lebenswelten*. Berlin: Paper Workshop Freie Universität Berlin.
- Carretero R. M., Berger, S., Grever, M. (Eds) (2017). *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Clark, A., Grever, M. (2018). Historical Consciousness. In S. A. Metzger, L. Mc A. Harris (Eds). *The Wiley International Handbook of History Teaching and Learning* (pp. 177–201). DOI: 10.1002/9781119100812.ch7.
- De Groot, J. (2009). *Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. Oxon: Routledge.
- Erenli, K. (2013). The Impact of Gamification – Recommending Education Scenarios. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 8, 15–21. DOI: 10.1109/ICL.2012.6402106.
- Erll, A. (2005). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen*. Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Geyer, M. (2017). The subject(s) of Europe. Conflicted memories. In Jarausch K., Lindenberger T. (eds.) *Europeanizing Contemporary Histories* (pp. 254–280). New York and Oxford: Berghahn Books.
- Grever, M. (2012). Dilemmas of Common and Plural History: Reactions on History Education and Heritage in a Globalizing World. In M. Carretero, M. Asensio, & M. Rodriguez-Moneo (eds.) *History Education and the Construction of National Identities* (pp. 75–91). Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Grever, M., Adriaansen, R.-J. (2017). Historical Culture: A Concept Revisited. In Carretero M., Berger, S., Grever, M. (eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 73–89). Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-52908-4_4
- Grever, M., Adriaansen, R.-J. (2019) Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*, 6, 814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
- Grever, M., Stuurman, S. (Eds.). (2007). *Beyond the Canon. History for the Twenty-First Century*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hartog, F. (2015). *Regimes of historicity. Presentism and experiences of time*. New York, NY: Columbia Press.
- Huyssen, A. (2000). Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*, 12(1), 21–38. DOI: 10.1215/08992363-12-1-21.
- Johnson, E. L. (2017). Cultural Memory, Memorials, and Reparative Writing. In Carretero M., Berger, S., Grever, M. (eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 35–58). Basingstoke: Palgrave Macmillan. doi:10.1007/978-3-030-02098-9
- Koselleck, R. (1979/2000). *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

- Lowenthal, D. (1998). *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Macintyre, S., Clark, A. (2004). *The History Wars*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Ribbens, K. (2014). *Een eigentijds verleden. Alledaagse historische cultuur in Nederland 1945–2000*. Hilversum: Verloren.
- Rüsen, J. (1997). Geschichtskultur. In K. Bergmann, K. Fröhlich, A. Kuhn, J. Rüsen, & G. Schneider (eds.) *Handbuch der Geschichtsdidaktik* (pp. 38–41). Seelze-Velber: Kallmeyer'sche Verlagsbuchhandlung.
- Sanchez-Marcos, F. (2009). *What is Historical Culture?* Retrieved from http://www.culturahistorica.es/historical_culture.html
- Seixas, P. (2017). Historical consciousness and historical thinking. In M. Carretero, S. Berger, & M. Grever (eds.). *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 51–72). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Taylor, T., Guyver, R. (eds.). (2012). *History Wars and the Classroom: Global Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Thorp, R. (2014). Towards an Epistemological Theory of Historical Consciousness. *Historical Encounters: A Journal of Historical Consciousness, Historical Cultures, and History Education*, 1(1), 20–31.
- Windschuttle, K. (1994). *The Killing of History: How a Discipline Is Being Murdered by Literary Critics and Social Theorists*. Paddington, NSW: Macleay.
- Winter, J. (2010). The Performance of the Past: Memory, History, Identity. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (eds.). *Performing the Past. Memory, History and Identity in Europe* (pp. 11–23). Amsterdam: Amsterdam University Press.

Статья поступила в редакцию 22.05.2021

Статья принята к публикации 18.06.2021

Для цитирования: Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Сергеев В. Н. Историческая культура: к вопросу теоретического осмысления феномена в зарубежной и отечественной науке. — Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 124–142.

HISTORICAL CULTURE: TOWARDS A THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON IN FOREIGN AND DOMESTIC SCIENCE

V. N. Rakachev, Ya. V. Rakacheva, V. N. Sergeev

Rakachev Vadim Nikolaevich, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia.

E-mail: midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208

Rakacheva Yaroslava Vladimirovna, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia.

E-mail: soccenter.kubsu@gmail.com. ORCID 0000-0003-0540-6408

Sergeev Vsevolod Nikolaevich, University of Civil Protection of the Ministry of Emergencies of Belarus, Mashinostroiteley Str., 25, Minsk, 220118, Belarus.

E-mail: v.n.sergeev@gmail.com. ORCID 0000-0001-9809-7864

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of the united Russian-Belarusian project “The Historical Culture of Belarusians and Russians: Formation of Ideas about the National and Common Past”, implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 20-59-00017\20 and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (BRFFR) No. G20R-227.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the diversity of approaches to understanding and interpreting such a complex and ambiguous phenomenon as historical culture that has emerged in the works of foreign and domestic authors to date. A comparison of the various approaches and points of view with regard to the interpretation of the concept

itself, its structure, functions and the variety of conceptions of the nature of the phenomenon leads to the conclusion that the field of historical cultural research, on the one hand, is still in the process of being developed, both of its categorical apparatus and the methods and methodology used in its study. On the other hand, it is necessary to note the interdisciplinary nature of the field of concern, which falls within the scope of research of historians, sociologists, philosophers, psychologists, cultural scientists and representatives of other sciences. In this regard, the synthesis of various methodological traditions may provide a definite horizon for further exploration of historical culture.

Key words: historical culture, historical consciousness, historical memory, history, collective memory, memorial culture, historical knowledge.

DOI 10.31429/26190567-22-2-124-142

References

- Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Assmann, J. (2010). Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory. In Assmann A., Conrad S. (eds.) *Memory in a Global Age. Palgrave Macmillan Memory Studies*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230283367_7.
- Baranov, A. V. (2010). Istoricheskoe soznanie kak faktor identichnosti Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza (sravnitel'nyy analiz) [The Role of National and Historical Consciousness in the Formation of Identity]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 3(24), 87–92.
- Barg, M.A. (1987). *Epohi i idey: Stanovlenie istorizma* [Eras and Ideas: The Formation of Historicism.]. Moskva: Mysl'.
- Black, J. (2005). *Using History*. London: Hodder Arnold.
- Boykov, V. E., Merkushev, V. I. (2003) Istoricheskoe soznanie v sovremennom rossiyskom obshchestve: sostoyanie i tendentsii formirovaniya [Historical Consciousness in Modern Russian Society: State and Trends of Formation]. *Sotsiologiya vlasti: Vestnik Sociologicheskogo centra RAGS* [Sociology of Power], 2, 5–21.
- Britsche, F. (2015). *Überlegungen zu einem Analysemodell von Geschichtskultur. Geschichtskultur in hybriden Lebenswelten*. Berlin: Paper Workshop Freie Universität Berlin.
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1994). Ochenochnye rechevye akty izвне i iznutri [Evaluative Speech Acts from the Outside and from the Inside]. In N. D. Arutyunova, N. K. Ryabceva (eds.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical Analysis of Language. Language of Speech Actions]. Moskva: Nauka.
- Carretero R. M., Berger, S., Grever, M. (Eds.) (2017). *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Chekanceva, Z. A. (2012) "Politika pamiati" i modelirovanie istorii [Memory Politics and History Modeling]. In *MATHEMATICA MONTISNIGRI. Vol XXIV (2012), X International Seminar «Mathematical Models & Modeling in Laser-Plasma Processes & Advanced Science Technologies» LppM3-2012* [MATHEMATICA MONTISNIGRI. Vol. XXIV (2012), X International Seminar "Mathematical Models & Modeling in Laser-Plasma Processes & Advanced Science Technologies" LppM3-2012] (pp. 292–298), Podgorica.

- Chistanov, M. N. (2006). O dinamike istoricheskogo soznaniya [On the Dynamics of Historical Consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy], 4(2), 66–70.
- Clark, A., Grever, M. (2018). Historical Consciousness. In S. A. Metzger, L. Mc A. Harris (eds.). *The Wiley International Handbook of History Teaching and Learning* (pp. 177–201). DOI: 10.1002/9781119100812.ch7.
- De Groot, J. (2009). *Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. Oxon: Routledge.
- Dil'tey, V. (1988) Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [Outlines for a Critique of Historical Reason]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 4, 135–152.
- Dmitrieva, O. O. (2015) Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh koncepcij v otechestvennoj nauke [Historical Memory and Mechanisms of its Formation: The Analysis of Historiographic Concepts in Russian Science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 6(361), 132–137.
- Erenli, K. (2013). The Impact of Gamification — Recommending Education Scenarios. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 8, 15–21. DOI: 10.1109/ICL.2012.6402106.
- Erll, A. (2005). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen*. Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Geyer, M. (2017). The subject(s) of Europe. Conflicted memories. In Jarausch K., Lindenberger T. (eds.) *Europeanizing Contemporary Histories* (pp. 254–280). New York and Oxford: Berghahn Books.
- Gizatova, G. K., Ivanova, O. G. (2011). Rol' natsional'no-istoricheskogo soznaniya v formirovanii identichnosti [The Role of National-Historical Consciousness in the Construction of Identity]. *Uchenyye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki* [Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki], 153, 42–51.
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010). Istoricheskoe soznanie molodezhi [Historical Consciousness of Youth]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 80(3), 195–203.
- Grever, M. (2012). Dilemmas of Common and Plural History: Reactions on History Education and Heritage in a Globalizing World. In M. Carretero, M. Asensio, & M. Rodriguez-Moneo (eds.) *History Education and the Construction of National Identities* (pp. 75–91). Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Grever, M., Adriaansen, R.-J. (2017). Historical Culture: A Concept Revisited. In Carretero M., Berger, S., Grever, M. (eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 73–89). Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-52908-4_4
- Grever, M., Adriaansen, R.-J. (2019) Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*, 6, 814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
- Grever, M., Stuurman, S. (Eds.). (2007). *Beyond the Canon. History for the Twenty-First Century*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gurevich, A. Ya. (2005). O krizise sovremennoy istoricheskoy nauki [The Crisis of Modern Historical Science]. In *Istoriia — neskonchaemyi spor. Medievistika i skandinavistika: stat'i raznykh let* [History is a Never-Ending Dispute. Medieval and Scandinavian Studies: Articles from Different Years] (pp. 427–455). Moskva: RGGU.
- Gurevich, A. Ya. (2005). Territoriya istorika [Historian's territory]. In *Istoriia — neskonchaemyi spor. Medievistika i skandinavistika: stat'i raznykh let* [History is a Never-Ending Dispute. Medieval and Scandinavian Studies: Articles from Different Years] (pp. 562–600). Moskva: RGGU.
- Gusserl', E. (1994) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a Rigorous Science]. Novocheboksaysk: Saguna.
- Hal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.

- Kharitonova, E. G. (2016). *Istoricheskaya pamyat' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: Materialy speckursa* [Historical Memory and Civil Society in Russia: Materials of the Special Course]. Moskva: Pero.
- Hartog, F. (2015). *Regimes of historicity. Presentism and experiences of time*. New York, NY: Columbia Press.
- Huysen, A. (2000). Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*, 12(1), 21–38. DOI:10.1215/08992363-12-1-21.
- Ivanov, A. G., Linchenko, A. A. (2016). Istoricheskoe soznanie kak faktor demifologizatsii istoricheskoy kul'tury: filosofsko-metodologicheskii Aspekt [Historical Consciousness as a Factor of Demythologization of Historical Culture: Philosophical and Methodological Aspect]. *Studia Humanitatis* [Studia Humanitatis], 1, 1–17
- Johnson, E. L. (2017). Cultural Memory, Memorials, and Reparative Writing. In Carretero M., Berger, S., Grever, M. (eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 35–58). Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-02098-9
- Koselleck, R. (1979/2000). *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Kroche, B. (1998). *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and History of Historiography]. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.
- Kulikov, D. K. (2007). Istoricheskoe soznanie i teoriya kul'tury [Historical Consciousness and Cultural Theory]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humane, Social and Economic Sciences], 4(35), 50–54.
- Kulikov, D. K. (2008). Istoricheskoe soznanie i ego teoreticheskie protivorechiya [Historical Consciousness and its Theoretical Contradictions]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii Region. Social Science], 1, 14–18.
- Kutykova, I. V. (2015). O sootnoshenii ponyatiy “istoricheskaya kul'tura” i “istoricheskoe soznanie” [On the Correlation of “Historical Culture” and “Historical Consciousness”]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2, 64–69. DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-2-64-69
- Levada, Yu. A. (1969). Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod [Historical Consciousness and Scientific Method]. In *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical Problems of Historical Science] (pp. 186–224). Moskva.
- Lowenthal, D. (1998). *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Macintyre, S., Clark, A. (2004). *The History Wars*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Memory Politics as a Branch of Symbolic Politics]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Memory Politics] (pp. 27–53). Moskva–Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Malinova, O. Yu. (2019). Kto i kak formiruet oficial'nyy istoricheskii narrativ: Analiz rossijskikh praktik [Who Forms Official Historical Narrative and How Does it Go? (The Analysis of Russian Practices)]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz* [Politeia], 3, 103–126.
- Matusevich, O. A. (2011). Istoricheskoe soznanie i kollektivnaya pamyat' kak predmet social'no-gumanitarnogo poznaniya [Historical Consciousness and Collective Memory as a Subject of Social and Humanitarian sciences]. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* [Proceedings of BSTU: Episode 6: History, Philosophy], 111–113.
- Mazur, L. N. (2013). Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The Image of the Past: Historical Memory Formation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser.2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 3 (117), 243–257.
- Mechkovskaya, N. B. (1994). *Social'naya lingvistika* [Social Linguistics]. Moskva: Aspekt Press.

- Miller A. I. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra* [Pro et Contra], 3–4, 6–23.
- Miller, A., Efremenko, D. (eds.) (2018). *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [Memory Policy in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Moskva–Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. (1999). *Franciya-pamyat'* [France-memory]. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. unta.
- Poletaev, A. V., Savel'eva, I. M. (2005). Istoricheskaya pamiat': k voprosu o granitsakh poniatii [Historical Memory: Determining the Concept]. In *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past] (pp. 170–220). Moskva: GU-VShE.
- Polyakova, I. P., Linchenko, A. A. (2017). Sushchnost' i struktura povsednevnoy istoricheskoy kul'tury: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The Essence and Structure of Everyday Historical Culture: Theoretical and Methodological Aspects]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"]. 2, 68–76. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.68
- Putilova, E. G. (2012). Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': sootnoshenie ponyatii na sovremennom etape [Historical Consciousness and Historical Memory: Correlation between Notions at the Present Stage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 10(24), 143–145.
- Repina, L. P. (2005). Konceptii social'noy i kul'turnoy pamyati v sovremennoy istoriografii [Concepts of Social and Cultural Memory in Contemporary Historiography]. In *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the Past] (pp. 122–170). Moskva: Izdatel'skiy Dom GU VShE.
- Repina, L. P. (2006). Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya [Historical Culture as a Subject of research]. In *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [Memory, Images of the Past and Historical Culture in pre-Modern Europe]. Moskva: Krug'.
- Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of XX–XXI century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moskva: Krug'.
- Repineckaya, Yu. S. (2017). K voprosu o sodержanii ponyatii "istoricheskoe soznanie" i "istoricheskaya pamyat'" [To the Question of the Concepts of "Historical Consciousness" and "Historical Memory"]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 6, 1(18), 147–151.
- Ribbens, K. (2014). *Een eigentijds verleden. Alledaagse historische cultuur in Nederland 1945–2000*. Hilversum: Verloren.
- Rüsen, J. (1997). Geschichtskultur. In K. Bergmann, K. Fröhlich, A. Kuhn, J. Rüsen, & G. Schneider (eds.) *Handbuch der Geschichtsdidaktik* (pp. 38–41). Seelze-Velber: Kallmeyer'sche Verlagsbuchhandlung.
- Ryuzen, J. (2001). Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) [Losing the Sequence of History (on Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism and the Memory Discussion)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 7, 8–26.
- Sanchez-Marcos, F. (2009). *What is Historical Culture?* Retrieved from http://www.culturahistorica.es/historical_culture.html
- Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. (1997). *Istoriya i vremya: V poiskakh utrachenogo* [History and Time: In Search of the Lost]. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.
- Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. (2008). *Teoriya istoricheskogo znaniya* [The Theory of Historical Knowledge]. Sankt-Peterburg. Moskva.
- Seixas, P. (2017). Historical consciousness and historical thinking. In M. Carretero, S. Berger, & M. Grever (eds.). *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 51–72). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Shpirenok, Yu. G. (2008). Istoricheskoe soznanie i informatsiya [Historical Consciousness and Information]. *Vestnik KrasGAU* [The Bulletin of KrasGAU], 6, 199–202.
- Sidel'nikov, A. A. (2006). Fenomen istoricheskogo soznaniya i osobnosti ego izucheniya [The Phenomenon of Historical Consciousness and Specificity of its Study]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 4(22), 110–115.
- Taylor, T., Guyver, R. (Eds.). (2012). *History Wars and the Classroom: Global Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Thorp, R. (2014). Towards an Epistemological Theory of Historical Consciousness. *Historical Encounters: A Journal of Historical Consciousness, Historical Cultures, and History Education*, 1(1), 20–31.
- Tishkov, V. A. (2011). Istoricheskaya kul'tura i identichnost' [Historical Culture and Identity]. *Ural'skiy istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2(31), 4–16.
- Toshchenko, Zh. T. (2000). Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current state]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 4, 3–15.
- Tryol'ch, E. (1994). *Istorizm i ego problem* [Historicism and its Problems]. Moskva: Yurist.
- Vorob'eva O. V., Chekanceva Z. A. (eds.) (2012). *Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Knowledge and Historiographic Situation at the Turn of XX–XXI Centuries]. Moskva: IVI RAN.
- Windschuttle, K. (1994). *The Killing of History: How a Discipline Is Being Murdered by Literary Critics and Social Theorists*. Paddington, NSW: Macleay.
- Winter, J. (2010). The Performance of the Past: Memory, History, Identity. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (eds.). *Performing the Past. Memory, History and Identity in Europe* (pp. 11–23). Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Yakovenko, I. G. (2009). Istoriya v obshchekul'turnom kontekste: problemy bytovaniya form istoricheskogo soznaniya [History in a General Cultural Context: Problems of Historical Consciousness Forms Functioning]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 4(51/52), 89–100.
- Zhovtun, D. T. (2003). Ideologizatsiya istoricheskogo soznaniya [The Ideologization of Historical Consciousness]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2, 93–97.

Received 22.05.2021

Accepted 18.06.2021

For citation: Rakachev V.N., Rakacheva Ya. V., Sergeev V.N. Historical Culture: to the Question of Theoretical Interpretation of the Phenomenon in Foreign and Domestic Science.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 124–142.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).